

Л. Л. Кофанов

САКРАЛЬНОЕ ПРАВО И ЭВОЛЮЦИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЦАРСКИХ ЗАКОНОВ» В VIII–VI вв. до н.э.

На протяжении многих сотен лет римское право остается предметом изучения юристов и до сих пор признается образцом правотворчества. Ведь как частное, так и публичное право древних римлян положено в основу законодательств многих европейских государств. Между тем весьма значительная его часть в какой-то мере остается вне поля зрения современных историков права. Речь идет о сакральном праве, которое, безусловно, зародилось еще в недрах первобытной родовой общины. И вместе с тем именно сакральное право стало той первоначальной базой, на которой строилось все римское гражданское право. С развитием и усложнением институтов государственной власти сакральное право стало постепенно вытесняться светским правом, однако даже в эпоху Цицерона римляне все еще отводили ему если не первенствующее, то по крайней мере весьма почетное место. Конечно, уже в эпоху Ранней республики существовал принцип разделения божественного и человеческого права (*fas* и *ius*), причем последнее постепенно вытесняло сакральные институты из римского публичного и частного права. Распространение христианства на закате Римской империи повлекло за собой сознательное истребление последних рудиментов языческой религии в праве. Поэтому от необозримого моря сочинений римских юристов в области сакрального права до нас дошли в большинстве случаев лишь их названия¹. Тем не менее сохранились источники, позволяющие выявить основные черты сакрального права в архаическом Риме и проследить его эволюцию по мере развития римского гражданского права.

Но что такое вообще сакральное право древнейшего Рима и можно ли его называть правом в современном юридическом смысле этого слова? Сами римляне использовали понятия *ius sacrum* и *ius divinum*, которые юристами нашего времени соответственно определяются как «комплекс юридических норм, призванных упорядочить отношения между людьми и богами, и кодифицированных в архаическую эпоху коллегией понтификов»², «связанных с обязательством соблюдать ритуалы, жертвоприношения и культы»³. Нарушение сакрального, божественного права понималось римлянами как нарушение воли божества, как неправомерное деяние (*nefas*), требующее искупления⁴. Итальянский историк права П. Вочи добавляет, что сакральное право играет особую роль в том об-

¹ Отрывки из многочисленных сочинений римских юристов о различных аспектах сакрального права см. в кн.: *Huschke E. Iurisprudentiae anteiustinianae quae supersunt. Lipsiae, 1886. P. 2–125.*

² *Dizionario giuridico romano / A cura di F. del Giudice e S. Beltrani. Napoli, 1993. P. 250.*

³ *García Garrido M.J. Diccionario de jurisprudencia romana. Madrid, 1986. P. 250.*

⁴ *Ibid. P. 194.*

шестве, где «религия является функцией государства, жрецы – государственными органами, а сила государства санкционирует религиозные предписания»⁵. Религиозные нормы архаического общества регулировали не только чисто религиозные ритуалы, но и мораль и собственно право, так как религия не была отделена от государства и права, а являлась важнейшим инструментом того и другого⁶. Для современного европейского права религиозные или церковные нормы не являются правовой нормой. Однако следует помнить, что религия была отделена от государства, скажем, во Франции, только в конце XVIII в., а в России – лишь после 1917 г. В государствах же мусульманского Востока Коран до сих пор остается главным источником не только религиозных и моральных норм, но и норм права. В системе римского права сакральное право также занимало свое почетное место в разделе публичного права. Принято считать, что в классическом римском праве (I–III вв. н.э.), подразделявшемся на публичное и частное, сакральным нормам почти уже не было места. Поэтому совершенно неожиданным может показаться определение публичного права, приводимое римским юристом Ульпианом: «Публичное право состоит из права жертвоприношений, права жрецов и права магистратов»⁷. Этот принцип основного деления публичного права в полной мере можно отнести и к архаической эпохе. Более того, за небольшим исключением право магистратов появилось и стало развиваться только в республиканском Риме, в то время как жреческое право существовало уже в эпоху Ромула и Нумы Помпилия.

Следует отметить, что в архаическую эпоху вся жизнь римской гражданской общины в целом и каждого римлянина в отдельности была регламентирована самыми разнообразными религиозными обычаями, запретами и ритуалами в гораздо большей степени, чем жизнь современного человека законами и моралью цивилизованного общества. Известно, что римляне всякое частное или общественное мероприятие, будь то военный поход, сражение, строительство храма или покупка земли, судебное разбирательство или арендный договор, согласовывали с волей того или иного божества, как бы торгуясь со своими богами, о чем с насмешкой говорил, например, раннехристианский критик язычества Арнобий (*Adv. nat.* VII. 12).

Римская система государственной власти архаической эпохи была зафиксирована в двух древнейших сборниках законов: это так называемая «жреческая конституция» царя Нумы Помпилия и законы XII таблиц⁸. Практически все царские законы от Ромула до Тарквиния Гордого относились к сакральному праву. Античные авторы называют их законами «о сакральных ритуалах»⁹. По словам Дионисия Галикарнасского (III. 36. 4), законы Нумы Помпилия были впервые записаны на деревянных досках по приказу царя Анка Марция (еще во второй половине VII в. до н.э.), а позднее, когда старая запись законов со временем пришла в негодность, все царские законы сразу после изгнания царя Тарквиния Гордого (в конце VI в. до н.э.) были собраны и записаны верховным понтификом Папирием и, будучи названы в его честь «Папириевым правом» (D. 1.

⁵ *Voci P.* Diritto sacro romano in età arcaica // SDHI. 1988. 19. P. 39.

⁶ *Ibid.* P. 42–47.

⁷ D. 1. 1. 2 (*Ulp.*): Publicum ius in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit.

⁸ О месте государственного права в законах XII таблиц см. *Кофанов Л.Л.* К вопросу о палингенезе законов XII таблиц // *Законы XII таблиц / Сост. и пер. Л.Л. Кофанова.* М., 1996. С. 175–210.

⁹ *Serv. Aen.* XII. 836: leges... morem sacrorum ritusque continebant... de ritu sacrorum publicatam; *Macr. Sat.* III. 11. 5–7; D. 50. 16. 144 (*Paul.*); *Dionys.* III. 36.

2. 2. 2: Pomp.), сохранялись вплоть до введения христианства. По крайней мере известно, что римский юрист III в. н.э. Павел еще пользовался этим сводом законов (D. 50. 16. 144). Мы же можем судить о содержании царских законов лишь по кратким описаниям античных авторов и незначительным фрагментам самих текстов из древнейшего свода, которые порой цитировали римские антиквары и лексикографы. Тем не менее даже по незначительным данным источников вырисовывается достаточно яркая картина сакральных институтов архаического Рима. Проблема достоверности этих источников является особым предметом обсуждения и за неимением места отсылаю читателей к статье, специально посвященной данной проблеме¹⁰.

Но есть ли основания у современного исследователя вслед за римлянами называть древнейшие религиозные нормы о сакральных ритуалах собственно правом и законами или же речь идет о так называемой «единой синкретической системе норм первобытного общества»¹¹, в которой сливались мораль, религия и социальные нормы? Однако современная теория государства и права еще не выработала общепризнанных критериев отличительных черт как норм первобытного общества, так и архаического права раннеклассовых обществ. Общим мнением является лишь признание того факта, что правовая норма в раннем государстве имеет гораздо более сложный, дифференцированный характер, нежели в первобытном обществе. Поэтому рассмотрим на конкретном материале источников, как правовая норма складывалась и развивалась в древнейший период истории римского государства.

Прежде всего следует отметить, что в моделях, предлагаемых этнологами и юристами, есть весьма существенные различия. Так, этнологи, которые работают с «полевым» материалом современных первобытных обществ, сознательно или неосознанно выделяют лишь три этапа развития от мононормативности к праву: 1) собственно мононормативность первобытного общества; 2) «гражданское» предправо на заключительном этапе первобытной истории; 3) право современного классового буржуазного государства¹². Таким образом, государства древнего мира и средних веков обычно выпадают из их поля зрения. Конечно, это утверждение нельзя понимать буквально: существует довольно многочисленная этнологическая литература и по раннеклассовым государствам и их типизации¹³, однако в целом этнологи довольно мало опираются на материалы по древним ранним государствам Европы. С другой стороны, юристы, использующие труды этнологов, предлагают несколько иную модель: 1) мононорма первобытного общества; 2) архаическое право раннеклассовых государств, сохраняющее некоторые элементы первобытной мононормативности; 3) право древних

¹⁰ Кофинов Л.Л. Традиция о древнейших источниках по праву архаического Рима: легенда или реальность? // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва 19–21 мая 1996 г. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1999. С. 209–215.

¹¹ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 67.

¹² История первобытного общества. Эпоха классовообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988. С. 447–459; Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 171–181.

¹³ Обзор этой литературы см. в ст.: Крадин Н.Н. Полиогенез // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития / Под ред. А.В. Коротаева, В.В. Чубарова. М., 1991. С. 261–300.

сословно-классовых государств¹⁴. Теоретики и историки права опираются в своих исследованиях не только на труды этнологов по современным первобытным обществам, но прежде всего на многовековую литературу по истории государства и права западноевропейских стран, поэтому их модель представляется гораздо более теоретически обоснованной.

Перечислим основные критерии, отличающие первобытную мононормативность от архаического права раннеклассового государства, опираясь главным образом на наиболее удачные обобщения исследований западных и отечественных юристов¹⁵ и этнологов¹⁶.

1. Для первобытной мононормативности характерна прежде всего недифференцированность, нерасчлененность норм морали, религии и социального регулирования. Все социальные нормы производства и потребления регулировались моралью, обычаем и религиозными табу. В архаическом праве происходит расщепление мононорм на собственно религиозные нормы и правовые нормы чисто имущественных отношений, лишь облеченные в религиозную форму. Первобытному обществу было свойственно выражение мононорм через религиозные табу, которые, как правило, социально и политически не дифференцировали общество, в то время как архаическое право придавало особый, подчеркнуто сакральный характер как самой власти, так и редистрибуции растущего прибавочного продукта¹⁷.

2. Жесткие санкции (смерть, изгнание) мононорм родового первобытного общества были направлены главным образом на соблюдение принципов экзогамии, трудовой взаимопомощи, а присвоение чужого, как правило, лишь порицалось. В архаическом праве, наоборот, наиболее жесткими становятся санкции по защите частного имущества – смертная казнь или рабство предусматриваются для вора, несостоятельного должника. Экзогамные нормы и нормы трудовой взаимопомощи утрачивают строго обязательный характер, превращаются в нормы морали¹⁸.

3. Мононормы устанавливаются нефиксированным обычаем, а источниками архаического права являются не только обычаи предков, но и письменно зафиксированные законы, установленные органами институализированной власти.

4. Обычаи взаимопомощи и потлача, т.е. накопления средств на проведение общественных пиршеств и раздачу подарков, первобытной мононормативности трансформируются в легализованные повинности архаического права, т.е. в нормы налогового права, обеспечивавшие функционирование государства и содержание государственного аппарата.

5. Бессистемному с точки зрения права набору мононорм первобытного общества противостоит классификация архаического права по принципу разделения на субъекты и объекты правоотношений. В праве субъектов (лиц) различа-

¹⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. II. Теория права. Т. 1. М., 1996. С. 56–70.

¹⁵ Там же. С. 56–70; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 1. С. 29–85; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1998. С. 160–221; Capogrossi Colognesi L. Modelli di stato e di famiglia nella storiografia dell'800. Roma, 1994.

¹⁶ См. раздел А.И. Першица «Нормативное сознание» (История первобытного общества. Эпоха классового образования... С. 447–459. Гл. 5, § 5).

¹⁷ Кочакова Н.Б. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 158; Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 88.

¹⁸ История первобытного общества. Эпоха классового образования... С. 452.

ются отношения индивидуальные, родственные, групповые и межгрупповые. В праве объектов (вещей) различаются административные, земельные, имущественные, договорные и уголовные нормы¹⁹. Появляются нормы раздела и наследования имущества.

6. Если мононормы регулируют дифференциацию общества только по половозрастным признакам, то архаическое право особо фиксирует также и социальную и имущественную стратификацию гражданского коллектива²⁰.

7. Близость мононорматики и архаического права состоит в их подчеркнутой публичности, когда все акты совершаются прилюдно, в присутствии многочисленных свидетелей.

8. Мононормы не знали или не принимали во внимание понятие наличия или отсутствия умысла в преступлении; в архаическом праве этот элемент появляется.

9. В первобытном обществе судебные функции не отделены от других функций власти – военной, административной и религиозной; в архаическом праве происходит отделение судебных функций и профессионализация следственных и судебных органов. Однако архаическому праву свойственна недифференцированность самой судебной власти, приговор мог приводиться в исполнение родственником осужденного²¹.

10. Порядок судебного расследования и судоговорения в архаическом праве сохраняет некоторые черты мононорматики: особая роль сакральной присяги и очистительных религиозных формул. Сам процесс судоговорения остается ритуализованным.

11. Для мононорм родового первобытного общества характерно господство принципов кровной мести, талиона; в архаическом праве появляется дифференцированная система уголовных наказаний и штрафов, исполнение которых обеспечивалось не только самим истцом, но и исполнительной властью.

12. Если в родовом обществе, как правило, был один племенной шаман, то в архаическом государстве – разветвленная сеть государственных жрецов, часто выполнявших не столько чисто культовые, сколько правовые функции в сакральной форме. Таким образом, разветвленное жречество являлось частью государственного аппарата²².

Перечисленные критерии, отличающие первобытную мононорму от архаического права раннеклассового государства, позволяют рассмотреть теперь так называемые «царские законы», найти тот момент в развитии архаического Рима, когда с полным основанием можно говорить о наличии архаического права. Следует сразу подчеркнуть, что отделение религии от права не может служить главным и единственным критерием возникновения права, так как этот процесс чрезвычайно растянут во времени и напрямую не зависит от экономического развития общества. Ведь даже в некоторых современных государствах еще не произошло полного отделения религии от права. Другое дело, что зона светского права в развивающихся классовых обществах имеет тенденцию к расширению за счет сакрального права. Однако многие институты, особенно публичного права, и в достаточно зрелых классовых обществах могут долгое время развиваться в рамках сакрального права.

¹⁹ Там же. С. 455.

²⁰ Там же. С. 455–466.

²¹ Там же. С. 458.

²² Венгеров. Ук. соч. С. 64.

Прежде всего дадим краткую характеристику важнейших древнейших норм римских царей. Согласно традиции, первые «законы о сакральных ритуалах» были приняты уже Ромулом (Dionys. II. 9–10; 12; 14–15; 21–22; 25–27). Однако нормы эти, имевшие ярко выраженную сакральную окраску, регулировали главным образом чисто социальные и политические аспекты римского общества. Что касается государственных институтов, то наиболее известен закон Ромула о римском сенате из 100 мужей, об их обязанностях и правах. Согласно Дионисию, отцы-сенаторы должны были быть судьями, жрецами и магистратами, их обязанностью также было защищать в суде плебеев, бывших их клиснтами²³. Клиенты же, согласно этой норме, обязаны были обрабатывать поля и всячески почитать своего патрона. Таким образом, мы видим, что одна и та же норма о *fides* между патроном и клиснтом и о ста сенаторах одновременно регулировала как частные, так и публичные правоотношения.

Ромулу традиция приписывает также закон о прерогативах царской власти, которые включали в себя: 1) верховенство в проведении религиозных обрядов; 2) охрану царем обычаев и законов; 3) исполнение им роли верховного судьи; 4) право царя созывать сенат и народ и первым высказывать на собраниях свое мнение; 5) абсолютную власть военного вождя²⁴.

Наконец, античная традиция рассказывает о законе Ромула относительно прерогатив народных собраний по куриям. Согласно этой норме, куриатные комиции избирали магистратов, утверждали законы и объявляли войну (Dionys. II. 14. 3). Кроме этого, Дионисий добавляет сакральную норму о предоставлении убежища и гражданства всякому бежавшему из своего отечества чужеземцу, если он обращался за защитой в Капитолийское святилище²⁵.

Ромул ввел также некоторые нормы в области религии. Он установил храмы и священные участки, алтари и деревянные символы богов, а также соответствующие для них празднества и жертвоприношения²⁶. Любопытно замечание Ливия (I. 7. 3) о том, что Ромул все жертвоприношения совершал по альбанско-

²³ Cic. De rep. II. 16; Plut. Rom. 13; Dionys. II. 9–10, 12.

²⁴ Dionys. II. 14. 1: «За царем Ромул закрепил следующие почести: прежде всего осуществлять руководство священнодействиями и жертвоприношениями, чтобы все, касающееся богов, совершалось при его участии; затем, выступать на страже законов и отеческих обычаев, печься о всяческой справедливости, основанной на природе или договорах, и судить тяжчайшие из преступлений, а менее тяжкие поручать сенаторам, предусмотрев, чтобы не случилось ничего небрежного в отношении правосудия; собирать сенат и созывать народ; вносить предложения и исполнять то, что угодно большинству» (пер. И.Л. Маяк). О военной власти царя см. *De Francisci P. Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 497–510.

²⁵ Dionys. II. 15. 4: «(Ромул) освятил место между Капитолием и крепостью... и сделал его убежищем для молящих (об этом), и устроив там храм... он под предлогом религиозного благочестия обязался защищать тех, кто прибегал туда, чтобы не претерпеть никакого зла от врагов и, если они желали остаться у него, он давал им права гражданства, а также участок земли...». Ср. Liv. I. 8. 5.

²⁶ Dionys. II. 18. 2: «Ромул обладал большой дальновидностью, положив в основу власти почитание богов и гениев. Ромул установил храмы, священные участки, алтари и статуи из дерева с изображениями и символами богов, определил значимость их и дары, которыми род людской благодарит божества, а также праздники, сколько их ни полагается устраивать каждому из богов или божеств, и жертвы, с помощью которых люди их почитают, и сроки перемирий, и опять-таки всенародные празднества и дни отдохновения от трудов, и все в том же роде он учредил с помощью наилучших из эллинских законов» (пер. И.Л. Маяк).

му обряду и лишь жертвы Геркулесу приносил по обряду греческому. Это был единственный принятый Ромулом иноземный обряд (Liv. I. 7. 15), так как особым законом он запретил почитание иноземных богов (Dionys. II. 19. 5). Он же учредил избираемых по родам и куриям жрецов, двух главнейших – фламингов Юпитера и Марса – освободив от воинской службы и других общественных повинностей²⁷. Ромул учредил и особую коллегия гадателей-авгуров, установив, что всякое избрание жреца в куриятных комициях должно утверждаться благоприятными божественными знаменами в акте инавгурации²⁸. Он же установил законы по расходам на жертвоприношения в куриях, назначив для этого курионов и создав в каждой курии святилища с очагом (Dionys. II. 23. 2). Любопытна религиозная норма Ромула, требующая совершать возлияния богам молоком, а не вином²⁹. Наконец, в области наказаний он установил штрафную лению в виде овец и быков, заменив ею смертную казнь за некоторые виды преступлений³⁰.

Последняя часть сборника норм Ромула, согласно Дионисию (II. 24. 1–2), регулировала частные отношения между римлянами. Особенно известны его нормы, касающиеся брачного права. Именно Ромулу традиция приписывает учреждение конфарреации – религиозной формы брака (Dionys. II. 25. 2). Согласно этому закону, жена находилась в собственности мужа на положении дочери, получая после смерти мужа и свою долю в наследстве³¹. Нарушение супружеской верности, всякое осквернение тела, даже употребление вина карались смертью через посвящение родительским богам³². Но и муж был ответствен перед бога-

²⁷ Dionys. II. 21. 3: «Ромул не сделал жреческий сан ни покупным за деньги, ни достаемым по жребию, но узаконил назначение из каждой курии двух мужей старше 50 лет, выдающихся среди других происхождением, отличающихся доблестью и имеющих достаточно много средств, а также без телесных изъянов. И он установил, чтобы они сохраняли сан не на протяжении какого-то определенного времени, а пожизненно, и чтобы они были освобождены от военной службы по возрасту и от дел полиса по закону».

²⁸ Cic. De rep. II. 16: «Ромул неизменно считался с ауспциями. Ведь он... выбрал из каждой трибы по авгуру, чтобы тот, находясь при нем, совершал ауспии каждый раз, когда Ромул приступал к какому-нибудь государственному делу» (пер. В.О. Горенштейна); Dionys. II. 22. 3: «А кроме того, Ромул повелел, чтобы от каждой трибы на жертвоприношениях присутствовал один гадатель, которого мы называем гиероскопом, римляне же, сохраняя немного из древних названий, именуют гаруспиком. И он установил законом, чтобы всех жрецов и служителей богов назначали курии, а утверждали с помощью божественных знамен, те, кто сведущ в их толковании» (пер. И.Л. Маяк).

²⁹ Plin. NH. 14. 88: «Ромул совершал возлияния молоком, а не вином; об этом свидетельствует установленный им чин жертвоприношения, соблюдаемый и по сей день».

³⁰ Cic. De rep. II. 16: «Ромул... применял меры принуждения, налагая пеню в виде овец и быков... а не обращаясь к насилию и казням» (пер. В.О. Горенштейна).

³¹ Dionys. II. 25. 4–5: «Этот закон вынуждал... мужей – обладать женами как необходимой и неотчуждаемой собственностью... Жена была наравне с мужем госпожой в доме, а после его смерти становилась наследницей части имущества, подобно дочери у отца. Если же он умирал бездетным и без завещания, жена становилась хозяйкой всего оставленного имущества, если же у них имелось потомство, она получала равную с детьми долю» (пер. И.Л. Маяк).

³² Fest. P. 260 L. (s.v. Plorare): In regis Romuli et Tatii legibus si nurus, sacra divis parentum estod... – «В законах царя Ромула и Тация сказано: Если невестка... то да будет она посвящена родительским богам...»; Plin. NH. 14. 89: «Пить женщинам вино в Риме не разрешалось. Мы нашли среди примеров рассказ о жене Эгнатия Метения, которую муж забил палкой до смерти за то, что она выпила вина из доли; Ромул его оправдал». Ср. Dionys. II. 25. 6.

ми за свою жену. Так, Плутарх рассказывает, что среди особо строгих законов Ромула был один, согласно которому муж, продавший свою жену, должен был быть принесен в жертву подземным богам³³. В то же время к жене, как хранительнице домашнего очага, следовало относиться с величайшим почтением. Известно, что еще Ромулу приписывалась норма об особой охране женского целомудрия, выраженная в словах «да не выражается никто неприличными словами в присутствии женщины»³⁴. Ведь согласно Плутарху, мужчины вообще всякой женщине должны были уступать на улице дорогу, а за нецензурную брань в присутствии женщины Ромул назначил смертную казнь³⁵. Столь суровая охрана женского целомудрия способствовала, по убеждению римлян, сохранению мужской доблести (*virtus*).

Другой закон, как уже отмечалось, регулировал *fides* (верность) между патроном и клиентом, под страхом проклятия запрещая им выступать друг против друга в суде³⁶, третий – обрекал сына, поднявшего руку на своего отца, принесению в жертву подземным духам-покровителям фамилии³⁷. Широко известен и закон Ромула о трехкратной манципации отцом своего сына, вошедший впоследствии без особых изменений в законы XII таблиц³⁸. Этот закон особенно важен тем, что в нем Дионисий упоминает акт продажи, под которым явно подразумевается манципация – особый юридический ритуал отчуждения собственности из числа *res mancipi*. Наконец, следует упомянуть и норму о праве *pater*

³³ *Plut. Rom. 22*: «Ромул издал также несколько законов, среди которых особо строгостью отличается один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличенную в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведется по какой-либо иной причине, того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере. А продавший жену должен быть принесен в жертву подземным богам» (пер. С.П. Маркиша). Ср. *Dionys. II. 25. 1–7*.

³⁴ *Baldwinus Fr. Commentarii ad leges Romuli. Parisiis, 1554. P. 16*.

³⁵ *Plut. Rom. 20*: «Впрочем, женщинам и без того оказывают многочисленные знаки уважения. Так им уступают дорогу, никто не смеет сказать ничего непристойного в их присутствии, или появиться перед ними нагим, в противном случае такие привлекаются к суду как за убийство».

³⁶ *Dionys. II. 10. 3*: «И патронам и клиентам (по закону Ромула) не было дозволено и положено выступать перед народом друг против друга в тяжбах или свидетельствовать, или подавать голос, или выступать в пользу врагов. Если же кто-нибудь из них был уличен в совершении какого-либо из этих дел, то признавался виновным в измене по закону, который установил Ромул, и было законным любому, кто пожелает, убить его как жертву подземному Диту».

³⁷ *Plut. Rom. 22*: «Примечательно, что Ромул не назначил никакого наказания за отцеубийство, но назвал отцеубийством любое убийство человека, как бы считая второе тягчайшим злодеянием, но первое – вовсе немислимым. И долгое время это суждение казалось оправданным, ибо без малого 600 лет никто в Риме не отважился на такое дело» (пер. С.П. Маркиша). Ср. *Dionys. II. 26. 4–6*.

³⁸ *Dionys. II. 27. 1*: «И римский законодатель... позволил отцу продавать сына, пренебрегши тем, что кто-то заподозрит, что постановление принято жестокое и более суровое, чем сообразно природе... разрешил отцу обогащаться за счет сына, продавая его вплоть до трех раз, дав отцу власть над ребенком большую, нежели господину над рабом. 2. Ведь единожды проданный раб, обретя впоследствии свободу, впредь уже остается сам себе господином. Сын же, проданный отцом, даже став свободным, вновь переходит под отцовскую руку и вторично проданный и освобожденный, словно раб, пребывает во власти отца. Лишь после третьей продажи он освобождается от отца. 3. ...А после свержения монархии... децемвиры... включили и его вместе с другими законами, что расположены в четвертой из так называемых XII таблиц, которые эти магистраты выставили на Форуме» (пер. И.Л. Маяк).

familias умерщвлять уродливых младенцев в возрасте до трех лет³⁹. Таким образом, мы видим, что большинство норм последней части установлений Ромула регулировали вопросы брачного, семейного и уголовного права.

Как относиться к приведенным данным о сборнике норм Ромула? Прежде всего следует отметить, что Рим возник не на пустом месте, а среди уже процветавших латинских городов⁴⁰. Следовательно, учрежденные Ромулом законы по большей части повторяли уже существовавшие латинские правовые нормы. Далее следует отметить, что по своему характеру многие из государственных и сакральных норм явно относятся к периоду родового доклассового общества с преобладанием принципа родового представительства, что отметил еще Т. Моммзен⁴¹. Наконец, сакральный институт клиентелы и вообще отношения типа *fides* современные ученые относят к древнейшим, появившимся задолго до возникновения Рима⁴². Что касается религиозных установлений Ромула, то они также несут на себе отпечаток глубокой древности. Так, традиция в основном упоминает не о храмах, а о святилищах Ромула, не о статуях богов, а об их деревянных символах и т.д. Что касается частных норм, то суровые санкции, требующие принесения правонарушителя в жертву богам за самые незначительные с современной точки зрения нарушения, также указывают на их глубокую архаичность. Кроме того, Дионисий говорит, что хотя большинство норм Ромула были неписаными, однако некоторые из них были позднее записаны (П. 24, 1) и вошли как в Паприев сборник, так и в законы XII таблиц. По крайней мере два закона традиция передает не в пересказе, а в цитатах⁴³, и законы эти, по авторитетному замечанию В.И. Модестова, написаны хотя и несколько обновленным, но все же весьма архаичным языком и действительно принадлежат ко времени царей⁴⁴. Следует также отметить, что уже в законах Ромула сначала излагается публичное сакральное право, а затем частные нормы. Так что некоторые элементы систематизации права следует отнести к древнейшей эпохе Ромула.

Характеризуя эту эпоху в целом следует подчеркнуть: хотя сборнику норм Ромула уже были свойственны некоторые важные элементы архаического права, в частности разграничение государственных норм институализации власти и ее судебных функций и норм, регулирующих семейные, брачные и межродовые отношения, однако в целом этот сборник можно отнести к предправу позднеродового общества на стадии активного формирования государства. Власть имела типичный характер вождества: верховный вождь – совет старейшин – общее собрание племен⁴⁵. Племенные вожди обладали военными, административными и

³⁹ *Dionys.* II. 15. 2: «Прежде всего Ромул привел жителей к необходимости растить всех своих чад мужского пола и первородных дочерей и не убивать никого из детей менее трех лет от роду, разве только если они с самого рождения были увечны или уроды. Но таких он не запрещал родителям выбрасывать, показав сперва пятерым соседям, и если те согласились с этим. В отношении тех, кто нарушил этот закон, Ромул установил различные наказания, включая конфискацию половины их имущества».

⁴⁰ *Tondo S.* Profilo di storia costituzionale romana. Vol. I. Milano, 1981. P. 46–50.

⁴¹ *Mommsen Th.* Disegno del diritto pubblico romano / Trad. di P. Bonfante. Milano, 1973. P. 34–39.

⁴² *Маяк И.Л.* Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983. С. 152–161.

⁴³ *Fest. s.v.* Plorare; *Serv. Aen.* VI. 609; *Dionys.* II. 10. Первый закон Ромула запретил женщинам пить вино, второй – запретил патрону обманывать своего клиента.

⁴⁴ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей. Казань, 1868. С. 39.

⁴⁵ Подробнее об этом см. *Capogrossi Colognesi L.* Dalla tribu allo stato (Le istituzioni dello stato cittadino). Roma, 1990. P. 47–62; *Schiavone A.* Linee di storia del pensiero giuridico romano. Torino, 1994. P. 1–15; *Маяк.* Ук. соч. С. 200–209, 233–245.

жреческими функциями. Общегосударственного жречества практически не было. Система налогообложения и штрафных санкций еще не сформировалась и сливалась с общей системой жертвоприношений. Наконец, практики письменной фиксации права еще не существовало.

ЗАКОНЫ НУМЫ ПОМПИЛИЯ И НАЧАЛО ПИСЬМЕННОЙ ФИКСАЦИИ ПРАВА

Более всего известны нормы Нумы Помпилия о сакральных ритуалах, жертвоприношениях и жрецах. От этих норм также сохранились лишь незначительные отрывки, но для нас особенно ценны комментарии к ним Дионисия Галикарнасского, так как они позволяют судить о порядке изложения установлений этого царя. Рассмотрим наиболее важные отрывки, характеризующие этот порядок: «63. 4. Нума, изложив все религиозное законодательство в письменном виде, разделил его на 8 частей, по количеству жреческих разрядов. 64. 1. Первую часть (законов) о священнодействиях он посвятил 30 курионам... 2. Вторую же часть – (жрецам), называемым у эллинов стефанофорами, а у римлян – фламинами... 3. Третью же (часть законов) – предводителям целеров... 4. Четвертую – толкователям посылаемых богами знамений... которых... римляне называют авгурами... 5. Пятую же (часть) – охраняющим священный огонь девам, называемым... весталками... 70. 1. Шестая же часть законодательства относительно почитания богов была уделена называемым у римлян салиями... 72. 1. А седьмая часть сакрального законодательства отнесена им к коллегии так называемых фециалов... 73. 1. Последним разделом установлений Нумы о священнодействиях были те права, которые получили имеющие по жребию у римлян высший священнический сан и силу. Они на их (т.е. римлян) языке... называются понтификами. 74. 1. Что касается его установлений, обращающих жизнь каждого (частного лица) к бережливости и умеренности и способствующих правосудию, сохраняющему государство в единодушии... то они слишком многочисленны... и было бы весьма многотрудным делом рассказать обо всех...» (Dionys. II. 63. 4–74. 1).

В этом тексте Дионисий дает не просто перечисление сакральных норм Нумы, но и саму их структуру и последовательность, используя слова типа «первая», «вторая», «восьмая» «часть» (μοῖρα) или «раздел» (μερίσιος) «законодательства о религиозных ритуалах», то есть об обязанностях жрецов. Он также делает разделение между первой частью законов – о жрецах, и второй – об отношениях между частными гражданами, которая, по его словам, также была достаточно большой. Примерно такой же порядок изложения сакральных норм Нумы мы можем найти и у Ливия (I. 20, 21). В то же время известны некоторые отдельные нормы Нумы о религиозных ритуалах и жертвоприношениях, которые нельзя трактовать иначе, как типичные религиозные табу родового общества. Например, можно упомянуть норму, запрещающую совершать возлияние богам вином из необрезанной лозы⁴⁶, а также запрет хоронить по общему обряду человека, убитого молнией⁴⁷. Сюда же относится норма, запрещающая при-

⁴⁶ *Plin. NH. 14. 88*: «Вот закон следующего царя Нумы: вином костра не поливай. Всякому ясно, что это предписание объясняется недостатком вина. Этим же законом возлияние богам вином из необрезанной лозы объявлено нечестием: он придумал, как заставить пахарей производить обрезку...».

⁴⁷ *Fest. P. 190 L. (s.v. Occisum)*: «Если молния убила человека, то пусть ничто не воздвигается (для него) выше колен. Если человек убит молнией, то не следует совершать в отношении него какие-либо законные (ритуалы погребения)».

носить в жертву и потреблять в пищу рыбу, не покрытую чешуей⁴⁸. Любопытны и нормы, регулировавшие жертвоприношения, связанные с захватом военной добычи⁴⁹, а также запрет легкомысленной женщине касаться алтаря Юноны⁵⁰. Наконец, следует упомянуть норму, запрещающую хоронить умершую беременную женщину без предварительного иссечения плода из ее чрева⁵¹. Все эти нормы, несомненно, являются религиозными табу, хотя некоторые из них своеобразным способом регулировали и социальные отношения в архаическом обществе.

О содержании второй части реформы Нумы, касающейся частных отношений между римлянами, известно совсем немного. Дионисий упоминает лишь нормы о землевладении, обязательствах и судопроизводстве. Сообщается также о норме, запрещающей отцу продавать женатого сына⁵². Мы знаем и то, что одним из основных видов наказания за нарушение законов Нумы была санкция *sacer esto*, т.е. смертная казнь в форме принесения преступника в жертву богам⁵³. Из области уголовного права особенно знаменит закон Нумы о паррицидах – об умышленных убийцах (особенно отцеубийцах), подвергавшихся смертной казни в особо суровой форме религиозного заклания преступника⁵⁴. Ульпиан утверждает, что и древнейшая избираемая народом магистратура двух уголовных квесторов, т.е. следователей по делам об убийствах, существовала

⁴⁸ *Cass. Hemin. ap. Plin. NH. 32. 20*: «Нума установил, чтобы рыбы, которые не покрыты чешуей, не приносились в жертву».

⁴⁹ *Fest. P. 189 L.*: «М. Варрон говорит, что закон Помпилия о богатой военной добыче был таков: если у кого после ауспий в войске, построенном к бою, будет захвачена самая богатая военная добыча, то пусть будет заколот бык в жертву Юпитеру Фетрическому. Тому, кто захватил ее, пусть будет дано 300 фунтов меди. Если будет захвачена добыча второго сорта, то пусть на марсовом поле на его алтаре будет заколото по желанию одно из животных жертвоприношения свиньи, овцы или быка. Тому, кто захватил добычу, пусть будет дано 200 фунтов меди. Если будет захвачена добыча третьего сорта, то пусть будет заколот ягненок мужского пола Янусу Квирипу, а тому, кто ее захватил, пусть будет дано 100 фунтов меди. У кого после ауспий захвачена (добыча), пусть будет дана богам умиловительная жертва». Ср. *Plut. Marc. 8; Serv. Aen. VI. 860*.

⁵⁰ *Fest. 248 L.*: «Древние называли наложницами тех, кто вступал в связь с женщиной, уже имеющей жену. Нумой Помпилием для этого рода женщин было даже установлено наказание в следующем законе: наложница пусть не касается алтаря Юноны, если коснется, то пусть она с распущенными волосами заколет Юноне в жертву ягненка женского пола».

⁵¹ *D. 11. 8. 2 (Marcell.)*: «Закон, изданный при царях, воспретил хоронить женщину, которая умерла, будучи беременной, прежде чем будет иссечен (из ее тела) плод. Кто поступит вопреки этому, тот рассматривается как уничтоживший вместе с беременной надежду на появление живого существа».

⁵² *Dionys. II. 27. 4*: «То, что не децемвиры... первыми ввели этот закон... я узнал из многих других свидетельств, но особенно из законов Нумы Помпилия, правившего после Ромула, где был записан и такой: "Если отец позволит сыну привести жену, которой предстоит по законам стать соучастницей в священнодействиях и имуществе, да не будет у отца власти продать сына"» (пер. И.Л. Маяк).

⁵³ *Fest. P. 6 L.*: «*Aliter* древние говорили вместо *aliter* (иначе). Это слово так записано в законах Нумы Помпилия: если кто делает иначе, то да будет посвящен в жертву Юпитеру».

⁵⁴ *Fest. P. 247 L.*: «Уголовными квесторами назывались магистраты, которых обычно избирали для расследования уголовных дел. Ибо словом *parricida* назывался не обязательно тот, кто убил своего отца или мать, но и убивший любого неосужденного человека. О том, что это было так, свидетельствует закон царя Нумы Помпилия, где сказано: если кто-либо со злым умыслом предаст смерти свободного человека, то да будет он паррицидой».

уже при Ромуле и Нуме Помпилии, хотя он тут же оговаривается, что, возможно, первым их ввел лишь третий царь – Тулл Гостилий⁵⁵. Ливий цитирует и сам текст принадлежащего Нуме или Туллу Гостилию закона о деятельности уголовных квесторов⁵⁶. В древнем тексте закона упоминается и право осужденного на апелляцию к народному собранию, о существовании которой в царский период упоминает и Цицерон⁵⁷. В то же время именно Нуме приписывается смягчение наказаний за отдельные виды преступлений и замена наказаний в форме человеческих жертвоприношений штрафами в форме искупительной жертвы (Plut. Numa 15). Такого рода замену мы находим в законе Нумы о непредумышленном убийстве⁵⁸.

Следует отметить, что нормы Нумы Помпилия были уже не устным, но писанным правом. Об этом позволяет судить следующий отрывок из Феста: «Нума усиливает толкование (слова *geus*) примером во втором законе второй таблицы, в которой написано: если одна из таких причин (будет препятствовать) судье, третьейскому посреднику или ответчику (явиться в суд), то пусть будет назначен для этого другой день»⁵⁹.

Все комментаторы этого отрывка в один голос относят данную норму к законам XII таблиц. Однако здесь, видимо, имеет место явное недоразумение, так как у Феста цитируются не XII таблиц, а нормы Нумы Помпилия. При этом следует отметить, что Фест довольно часто цитирует законы именно Нумы Помпилия, поэтому в этом фрагменте Феста едва ли имела место ошибка, которую поспешили исправить некоторые издатели законов XII таблиц⁶⁰. Иное дело, что

⁵⁵ D. 1. 13. 1 pr. (Ulp.): «Создание квестуры восходит к глубокой древности, она относится к более раннему времени, чем любая другая магистратура. Так, например, Гракхан Юний сообщает в седьмой книге трактата «О властях», что даже сам Ромул и Нума Помпилий имели двух квесторов, назначенных не ими самими, а избранных народом. Но насколько сомнительно, существовали ли квесторы в правление Ромула и Нумы, настолько ясно, что они были при царе Тулле Гостилии».

⁵⁶ Liv. I. 26. 6: «А закон звучал устрашающе: “Совершившего тяжкое преступление да судят дуумвиры; если он от дуумвиров обратится к народу, отстаивать ему свое дело перед народом; если дуумвиры выиграют дело, обмотать ему голову, подвесить веревкой к зловещему дереву, засечь его внутри городской черты или вне городской черты”» (пер. В.М. Смирина). Здесь источник говорит о дуумвирах, а не о квесторах и, например, С. Тондо рассматривает их как две разные магистратуры (Tondo. Op. cit. P. 115). Однако, по всей видимости, речь идет о двух названиях одной и той же магистратуры.

⁵⁷ Cic. De rep. II. 54: «Как свидетельствуют понтификальные, а также и наши авгуральные книги, провокация применялась уже во времена царей» (пер. В.О. Горенштейна).

⁵⁸ Serv. Ecl. 4. 43: «В законах Нумы определено, что если кто случайно убьет человека, то за голову убитого пусть на (народной) сходке предложит его агнатам барана».

⁵⁹ Fest. P. 336 L. (s.v. Reus): Numa in secunda tabula secunda lege, in qua scriptum est: QUID HORUM FUIT [VITIUM] IUDICI ARBITROVE REOVE, EO DIES DIFFUSUS ESTO.

⁶⁰ См., например: Riccobono S. et al. Fontes iuris Romani anteiustiniani. Vol. 1. Florentiae, 1941. P. 31. В этом издании без какого бы то ни было объяснения стоящее в тексте Феста слово «Numa» заменено словом «nam». Дискуссия по этому поводу имеет свою долгую историю. Например, Готофред (Legis XII Tabularum fragmenta quae supersunt // Gothofredus J. Opera juridica minora. Lugdunum, 1733. P. 161) не сомневался, что употребление этого имени означало заимствование децемвирами данной нормы из законов царя Нумы Помпилия. Затем Моммзен и Брунс (Fontes iuris Romani antiqui⁷. Vol. I. Tubingae, 1909. P. 20) заменили «Numa» на «nam», Гушке же исправил его на «etenim». Дирксен предпочел поменять имя Numa на глагол (Dirksen H.E. Übersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Zwölftafelfragmente. Lpz, 1824. S. 201), наконец, Б.В. Никольский (Система и текст XII таблиц. Исследование по истории римского права. СПб., 1897. С. 10) полагал, что слово «Numa» возможно читать как «cum ait». Однако представляется, что ближе всего к истине мнение Готофреда.

другие источники указывают на существование идентичной нормы также и в XII таблицах. Прежде всего необходимо отметить, что не только законы XII таблиц, но и законы Нумы были записаны на таблицах. Ведь, согласно традиции, римляне архаической эпохи всегда писали законы на деревянных табличках⁶¹. Далее следует подчеркнуть, что Цицерон называет нормы Нумы *populmentum*. Очевидно, что он говорит о сборнике норм Нумы не как о некоей книжечке (*libellus*), а именно как о еще существующем в период Поздней республики «монументе». Видимо, это означает, что нормы Нумы были зафиксированы письменно на таблицах уже в царский период. Об этом прямо пишет Дионисий Галикарнасский, отмечая, что уже царь Анк Марций «приказал записать законы Нумы на деревянных таблицах» (*εις δέλτους* – *Dionys. III. 36. 4*). О том же факте сообщает и Тит Ливий, уточняя, что нормы Нумы об общественных жертвоприношениях были опубликованы *in album*, т.е. на «белых досках»⁶².

Итак, из текста Феста следует, что во второй таблице сборника норм Нумы речь шла о судебном процессе, о явке в суд истца и ответчика и о возможных уважительных причинах, препятствующих судебному разбирательству. В том же фрагменте Фест упоминает и норму о суде над должником из стипуляции⁶³. Сопоставление данных Феста и Дионисия позволяет предположить следующую структуру сакрального свода Нумы. Первая таблица была разделена, как минимум, на восемь разделов, в которых последовательно излагались обязанности и права магистратов (курионов, предводителей целеров) и жреческих коллегий (фламинов, авгуров, весталок, салиев, фециалов и понтификов). Причем обращает на себя внимание то, что магистраты и жреческие коллегии еще не выде-

⁶¹ *Pompon. Porphyr. Comm. in Hor. Art. Poet. 399: Leges incidere ligno. Aereis enim tabulis antiqui non sunt usi, sed roboreis. In has incidebant leges. Vnde adhuc Athenis legum tabulae axones uocantur.*

⁶² *Liv. I. 32. 2: Ancus Marcius... auitae gloriae memor et... neglectis religionibus aut prae cultis, longe antiquissimum ratus sacra publica ut ab Numa instituta erant facere, omnia ea ex commentarii regis pontificem in album elata proponere in publico iubet* – «Анк Марций... памятуя о дедовской славе и... об упадке благочестия или искажении обрядов, полагая важнейшим совершать общественные жертвоприношения так, как это было установлено Нумой, приказал все это извлечь из царских комментариев и, начертав на белых досках, обнародовать».

⁶³ *Fest. P. 336 L. (s.v. Reus): Reus nunc dicitur, qui causam dicit: et item qui quid promisit sponditve ac debet. At Gallus Aelius lib. II significationum verborum, quae ad ius pertinent, ait: «Reus est, qui cum altero litem contestatam habet, sive is egit, sive cum eo actum est. Reus stipulando est idem qui stipulator dicitur, quippe suo nomine ab altero quibus populatus est, non is qui alteri adstipulatus est. Reus promittendo est, qui suo nomine alteri quid promisit, qui pro altero quid promisit». At Capito Ateius in eadem quidem opinione est, sed exemplo adiuvat interpretationem Numa in secunda tabula secunda lege, in qua scriptum est: QUID <...> ESTO. nunc uterque actorum reiqu[a]le in iudicio me vocatur; itemque accusator de vi accitur more veteri, et consuetudine antiqua* – «Словом *reus* нынче зовется тот, кто отвечает по суду, а также тот, кто что-либо пообещал или обязался через спонсию, либо задолжал. Также Элий Галл во 2-й книге о значении слов, относящихся к праву, говорит следующее: «*Reus* это тот, кто имеет с другим судебное разбирательство и либо сам возбуждает иск, либо с ним ведут тяжбу. В акте стипуляции *reus* – это тот, кто зовется стипулятором, ибо это тот, кто от своего имени у другого принял о чем-либо клятвенное обещание, а не тот, кто адстипулировал другому. *Reus* обещания – это тот, кто от своего имени другому что-либо пообещал, кто пообещал что-то вместо другого». Также и Атей Капитон придерживается того же мнения, а Нума усиливает это толкование примером во второй норме II таблицы, в которой написано: если <...> день. Ныне же так зовутся мною оба и из истцов и из ответчиков. Также призывается и обвинитель в совершении насилия в соответствии с древним обычаем и старинным установлением».

лены в разные части законодательства. По справедливому замечанию Т. Моммзена⁶⁴, магистратура в царский период еще не выделилась из религиозной сферы и, например, курионы воспринимались как верховные жрецы римских курий.

Соответственно вторая таблица, регулировавшая отношения между частными гражданами, начиналась с норм судопроизводства, затем шло описание культа Термина, связанного с отношениями землевладения и межеванием полей, далее шли нормы по культу Фидес, с помощью которого регламентировались договоры. Наконец, традиция связывает именно с нормами Нумы Помпилия, учредившего первые коллегии ремесленников, выделение ремесла в особую сферу производства (Plut. Numa 17; Plin. NH. 34. 1; 35. 159). Характер созданных царем ремесленных коллегий представляет особый интерес для нашей темы. Плутарх (Numa 17) сообщает, что каждая коллегия имела право проведения собраний и свои религиозные обряды.

Важно подчеркнуть, однако, что все нормы уголовного и частного права также имели религиозную окраску. Законы Нумы можно охарактеризовать как нормы, еще не знавшие разделения на *fas* и *ius*, на божественное и человеческое право. Однако это уже и не в полном смысле религиозные табу, мононормы доклассового общества, поскольку в них имело место правовое выделение различных социальных групп общества как по политическому принципу (правители и управляемые, т.е. патриции и их клиенты), так и по профессиональному принципу (выделение профессиональных коллегий). Далее регламентация судопроизводства, хотя еще и не вышедшего за рамки сакрального права и религиозного ритуала, также свидетельствует о первых серьезных шагах римского общества в сторону развития права.

Конечно, в сборнике Нумы встречается довольно значительное число типичных религиозных табу, мононорм позднеродового общества. Действительно, для всякого юриста запреты совершать возлияние богам вином из необрезанной лозы, потреблять рыбу, не покрытую чешуей, и т.д. представляются нормами, не имеющими никакого отношения к праву. Однако в сакральном сборнике Нумы появляются и новые черты, вполне свойственные архаическому праву раннеклассового государства. Это прежде всего правовая регламентация деятельности особого аппарата государственных жрецов (авгуров, понтификов, фециалов), выполняющих не столько функции отправления культа тому или иному божеству, сколько судебные, следственные и нормотворческие функции. Предусматриваются и первые профессиональные судебно-следственные органы – уголовные квесторы. Впервые Нума Помпилий вводит весьма жесткие санкции по защите частных земельных владений и договоров. Наконец, еще одна важная черта архаического права: различение умышленного и неумышленного убийства, а также дифференциация санкций в соответствии со степенью вины.

Все это позволяет сделать обоснованный вывод о том, что свод норм Нумы уже не был просто сборником мононорм первобытного общества. Однако это еще и не вполне право, так как эти нормы еще не демонстрируют со всей очевидностью приоритета норм общегражданских над нормами родового общества. Можно констатировать, что это сборник норм переходного периода активного формирования права раннеклассового общества.

⁶⁴ Mommsen. Disegno del diritto... P. 119 sg.

Решающее значение в создании права раннеклассового государства имеют сакральные законы шестого римского царя Сервия Туллия о жертвоприношениях и религиозных празднествах, легшие в основу римской системы ценза и налогообложения (Dionys. IV. 15). Сервий Туллий восстановил многие нормы Ромула и Нумы, добавив к ним новые⁶⁵. Среди этих новых законов Сервия Туллия особо следует упомянуть законы о договорах и частных правонарушениях. Дионисий сообщает, что законы эти были утверждены народом в куриатных комициях: «Сразу же после принятия власти, он... утвердил в куриях законы о заключении сделок и о правонарушениях; а было их числом что-то около пятидесяти, из которых сейчас я не считаю нужным упоминать ни одного» (IV. 13. 1). Упоминание в этом отрывке о принятии Сервием около 50 законов о договорах и правонарушениях позволяет нам судить о том, сколь значительное число законов именно частноправового характера не дошло до нашего времени, хотя можно предполагать, что большинство этих законов Сервия вошли в законы XII таблиц.

Однако обратимся к конкретному содержанию известных нам законов. Сервий не провел ни сенатского решения, ни народного собрания о своем избрании. Поэтому сразу после прихода к власти новый царь предпринял ряд энергичных мер, призванных упрочить его положение в народной массе. Дионисий (IV. 9; 11) и Цицерон (De ger. II. 38) сообщают, что одной из наиболее популярных реформ Сервия Туллия был закон об освобождении должников (*obaeati*). В современной историографии, богатой рассуждениями о центуриатной реформе царя, вопрос о должниках этого периода практически не рассматривается, а сведения источников по этому вопросу априори признаются недостоверными. Л. Пеппе объясняет данные Дионисия стремлением этого автора найти доказательства сходства реформ Сервия Туллия с законами Солона в Афинах⁶⁶. Цицерон же, по его мнению, использовал традицию Лициния Макра, нарисовавшего портрет Сервия Туллия по образу Тиберия Гракха⁶⁷. Действительно, шестой римский царь не только освободил должников, но и, подобно Солону, издал закон, запрещавший обращать в рабство за долги. Дионисий пишет, что царь не позволял ростовщикам лишать бедняков свободы и уводить их в рабство за долги (IV. 11. 2). Он начал с того, что взял на себя уплату всех многочисленных долгов плебеев, тем самым освободив их от угрозы долгового рабства⁶⁸. Далее Дионисий изла-

⁶⁵ Dionys. IV. 10. 3: «Он также написал законы, которые отчасти возобновил на основе древних, но забытых законов, введенных Ромулом и Нумой Помпилием, а отчасти установил сам».

⁶⁶ Peppe L. Studi sull'esecuzione personale. Debiti e debitori nei due primi secoli della repubblica romana. Milano, 1981 P. 24.

⁶⁷ Ibid. P. 25.

⁶⁸ В уста самого Сервия Туллия Дионисий вкладывает следующую программу действий: «Тем из вас, кто уже имеет долги и из-за бедности неспособны их отдать, я жажду помочь, так как они являются гражданами и претерпели много трудностей на службе у своего отечества. С тем чтобы не потеряли собственную свободу те, кто укрепил общую, я даю (им средства) из моего собственного имущества, чтобы они могли заплатить долги. Что касается тех, которые задолжают в будущем, то я не позволю уводить их в рабство за долги, но издам закон, чтобы ничто не давалось в долг под проценты под залог тела свободных людей, так как считаю, что ростовщикам достаточно владеть имуществом заключивших договор» (IV. 9. 6–7).

гает конкретные действия Сервия Туллия: «Он приказал переписать тех должников, которые были не в состоянии выполнить свои обязательства, а также кому и сколько каждый должен. Получив этот список, он приказал поместить таблицы на форуме и в присутствии всех отчитал кредиторам долги» (IV. 10. 2).

Приведенные Дионисием сведения необходимо сопоставить с известными нам реалиями социально-экономической жизни Рима в VI в. до н.э. Прежде всего следует отметить, что сегодня мало кто ставит под сомнение существование уже в VI в. до н.э. категории *assidui*, которые и занимались ростовщичеством. К тому же причины появления должничества, на которые ссылается Дионисий, у многих современных историков также не вызывают сомнений. Так, Дионисий говорит о бремени налогов, которыми были задавлены бедняки, а существование ценза и трибута в VI в. до н.э. признают многие исследователи⁶⁹. Второй причиной тяжелого положения должников древнегреческий историк считает захват патрициями общественной земли, что вынуждало плебеев работать на чужой земле в качестве мелких арендаторов или батраков (Dionys. IV. 9. 8). То, что уже в царский период земля находилась в распоряжении патрициев, также мало у кого из современных историков вызывает сомнение. Одной из характерных черт данной эпохи обычно считают конфликт царя и патрициев в распоряжении общественной землей⁷⁰. Таким образом, в римском обществе VI в. до н.э. уже присутствовала социальная дифференциация, вызвавшая обострение долгового вопроса, следовательно, и сообщения Дионисия и Цицерона заслуживают большего доверия.

Что касается установления Сервия Туллия о запрещении долгового рабства, то здесь надо отметить следующее. Само установление нельзя трактовать в той юридической форме, которая была свойственна более поздней эпохе. Как уже отмечалось, «царские законы» имели преимущественно сакральную форму⁷¹. Сервий Туллий, по словам Дионисия, восстановил многие из забытых установлений Ромула (IV. 10. 3). Этими нормами, в частности, регламентировались очистительные жертвоприношения Диане (Tac. Ann. 12. 8). Хотя данные нормы регулировали международные отношения, однако известно, что культ Дианы был тесно связан с сакральным актом освобождения рабов, введенным именно Сервием Туллием в ритуал религиозного праздника (Fest. P. 460 L. s.v. *Servorum dies*). Этот царь, по одной из версий античной традиции, также учредил рабский праздник Компиталий, тесно связанный с Сатурналиями как по времени его проведения, так и по своему характеру (Dionys. IV. 14. 3–4; Plin. NH. 204). Оба эти праздника сопровождались очистительными жертвоприношениями, причем жертвы богам во время Компиталий-Ларенталий приносились именно рабами (Dionys. IV. 14. 4). По словам Дионисия, специальная норма регулировала ритуалы жертвоприношений и самого праздника (IV. 14. 3). Причем в этот ритуал входило и полное освобождение рабов на время праздника, что должно было примирять рабов со своими хозяевами (IV. 14. 4). С реформами Сервия Туллия связывает Дионисий и обычай римлян регулярно освобождать рабов за достойный труд и похвальное поведение и предоставлять им гражданство (IV. 24. 2–4). Таким образом, вполне можно допустить, что норма Сервия Туллия о запрете

⁶⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd III. 1. Lpz, 1887. S. 164 ff.; Last H. *Servian reforms* // JRS. 1945. 35. P. 38 f.; Нечай Ф.М. *Образование римского государства*. Минск, 1972. С. 107 сл.

⁷⁰ Richard J.-Cl. *Les origines de la plèbe romaine*. Rome, 1978. P. 416 suiv.

⁷¹ Santalucia B. *Il processo penale nelle XII Tavole* // *Società e diritto nell'epoca decemvirale: Atti del convegno di diritto romano, Copanello 3–7 giugno 1984*. Napoli, 1988. P. 238.

долгового рабства имела сакральные формы, дошедшие до нас в виде религиозных празднеств, в более позднее время частично утративших прежнее реальное содержание. Возможно также, что этот закон подтвердил закон Ромула о замене смертной казни или рабства очистительным жертвоприношением-штрафом в отношении несостоятельных должников *pehi*. Итак, есть некоторые основания считать, что сведения традиции о законе Сервия Туллия, ограничившем долговое рабство и заменившем казнь штрафом, отражают факты действительной истории Рима VI в. до н.э.

Чтобы ликвидировать сами причины задолжности, Сервий Туллий, согласно традиции (Liv. I. 47. 12; Dionys. IV. 11. 2), провел реформу ценза, благодаря которой основное бремя налогов легло на наиболее обеспеченных граждан. Он также разделил общественную землю, находившуюся в распоряжении «отцов», между беднейшими гражданами, которых Дионисий называет фетами, т.е. поденщиками. Любопытно замечание Дионисия о том, что этими преобразованиями царь уничтожил власть сената (IV. 10. 13). Но более всего эта власть была поколеблена утверждением в куриатных комициях уже упомянутых 50 законов о договорах и правонарушениях (IV. 13. 1). Их историчность ставится под сомнение современными учеными⁷², однако у Феста⁷³ сохранились цитаты из некоторых законов Сервия Туллия. Присутствие в них формулы сакральной санкции *sacer esto*⁷⁴, а также архаичность языка, часто непонятного современникам Феста, свидетельствуют в пользу аутентичности этих текстов и подтверждают реальное существование других законов, приписываемых Сервию Туллию.

Дионисий рассказывает, что патриции должны были теперь «жить по писаным законам, равным образом давая права вам (т.е. плебеям. — Л.К.) и получая их от вас, а не обращаться с бедняками, как с купленными рабами» (IV. 11. 2). По-видимому, именно эти законы регулировали размер налога, который взимали магистры пагов, сдавая общественную землю в аренду, а также размер арендной платы. В связи с этим интересное сообщение есть у Аврелия Виктора о том, что Сервий Туллий «распределил хлебный налог среди плебеев» (*plebi distribuit annonam — De vir. ill. 7*). Это можно понять в том смысле, что царь привел размер продовольственных поставок в соответствие с цензом, поставив таким образом под контроль закона деятельность магистров пагов. Эти магистры, бывшие прежде практически независимыми родовыми или сельскими вождями, стали теперь административным органом, действующим под контролем царя. А чтобы среди магистров-патрициев, живших в достаточно укрепленных сельских крепостях, служивших в случае военного набега убежищем для местного населения (Dionys. V. 22. 1), не возникло заговора и сепаратистских настроений, он поселил их всех вместе на так называемой «патрицианской улице» в Риме. Благодаря этому царь имел возможность подавить всякий заговор против себя с господствующими над улицей высот⁷⁵. Факт переселения патрициев в Рим свиде-

⁷² Ridley R.T. The enigma of Servius Tullius // *Klio*. 1975. Bd 57. Ht 1. P. 161; *Peppe*. Op. cit. P. 23 sg.; *Orestano R.* I fatti di normazione nell'esperienza romana arcaica. Torino, 1967.

⁷³ *Fest.* P. 260 L. (s.v. Plogare): «В законах Сервия Туллия (сказано) следующее: если сын ударит родителя так, что родитель зарыдает, то да будет сын посвящен в жертву родительскому богу»; P. 290 L. (s.v. Procum patricium).

⁷⁴ Формула *sacer estod* встречается уже в древнейшей надписи на *Lapis Niger*, датируемой, как минимум, VI в. до н.э.: *Santalucia*. Op. cit. P. 239.

⁷⁵ *Fest.* P. 247 L. (s.v. Patricius vicus): «Патрицианская улица названа так оттого, что там по приказу Сервия Туллия поселились патриции для того, чтобы если они что-либо предпримут против него самого, то будут подавлены с господствующих высот».

тельствует еще и о том, что Сервий Туллий стремился превратить сенат из представительного органа, собиравшего родовых вождей лишь по мере необходимости подобно описанному Дионисием (V. 50. 2–4) общелатинскому совету городов, в постоянный совещательный орган при царе, не имевший непосредственной поддержки своей курии или пага и в большей степени зависимый от царя. Тем самым Сервий разрушил связи патрициев в курии⁷⁶. Далее Сервий Туллий ввел сакральные законы о жертвоприношениях во время сельского праздника Паганалии, регламентировав в них не только характер жертвоприношений и религиозных собраний, но и деятельность могущественных в то время магистров пагов (Dionys. IV. 15).

Не менее важны законы Сервия Туллия, введшие новое административное разделение самого Рима. Вместо трех прежних племенных триб Рим был разделен на четыре городские территориальные трибы, во главе которых царь поставил предводителей, возможно, называвшихся трибунами, которым был поручен сбор налогов с этих триб (Dionys. IV. 14. 2). В свою очередь, в каждой трибе на отдельных улицах были учреждены культы героев, и особые сакральные законы о жертвоприношениях предусматривали размер ежегодных пожертвований каждой римской семьи этим героям во время праздника Компиталий. Любопытно отметить, что заведовали этими жертвоприношениями не свободные, а рабы⁷⁷.

Указанными мерами Сервию удалось надолго укрепить свою власть. Теперь царь приступает к более серьезным реформам. Наиболее известна введенная им система ценза, в соответствии с которой все римские граждане разделялись на шесть основных имущественных разрядов. В VI в. до н.э. главным для римского государства было военное дело, защита рубежей от постоянных грабительских набегов соседей. Поэтому каждый полноценный римский гражданин должен был быть воином. Отсюда и римский ценз носил подчеркнуто военный характер. К первому разряду царь отнес граждан, имевших имущества не менее чем на 100 тыс. ассов. Их вооружением были копье, шлем, панцирь, круглый щит, поножи и меч. Имущество второго разряда ограничивалось 75 тыс. ассов, а из их вооружения был изъят панцирь. Ценз третьего разряда составлял 50 тыс. ассов, а из вооружения помимо панциря были изъяты еще и поножи. Четвертый разряд имел не менее 25 тыс. ассов, оружие его состояло лишь из копья, меча и щита. Он занимал последнюю линию строя. Пятый разряд, имевший не менее 11 тыс. ассов, был вооружен лишь короткими копьями и пращей, сражаясь вне боевого строя. Наконец, шестой разряд граждан, имевших имущества менее, чем на 11 тыс. ассов, царь освободил от воинской службы (Dionys. IV. 16–18).

В зависимости от имущественного положения распределялся и подоходный налог. Наибольшее налоговое бремя легло на плечи первых разрядов, в то вре-

⁷⁶ Richard J.-Cl. La population romaine à l'époque archaïque // Roma arcaica e le recenti scoperte archeologiche (in onore di U. Coli). Milano, 1980. P. 63.

⁷⁷ Liv. I. 43. 1–7; Dionys. IV. 14. 3–4. Исчисление в ассах носит условный характер, так как в VI в. до н.э. медные ассы еще не имели хождения и все имущественные оценки производились обычно в определенном количестве скота: быках и баранах. В середине V в. до н.э. по закону Тарпея один бык был приравнен к 100 ассам, а один баран – к 10 ассам. Таким образом, состояние в 100 тыс. ассов составило бы стадо в 1000 быков, что совершенно невозможно представить для маленькой civitas VI в. до н.э. Цифры Ливия и Дионисия явно завышены и скорее всего относятся к III–II вв. до н.э. Гораздо ближе к истине Авл Геллий, который определяет ценз пятого разряда (пролетариев) величиной не более 1500 ассов, а шестого разряда (capite censi) – не более 375 ассов (Gell. XVI. 10. 10).

мя как шестой разряд – беднейший и наиболее многочисленный слой граждан – вовсе был освобожден от внесения налога. Однако имущие граждане компенсировали это преобладанием в политических правах. Все разряды делились на центурии, причем число людей в каждой центурии было неравным. Наибольшее количество центурий – 80 – относилось к первому разряду, где число граждан было наименьшим. В то же время всех беднейших граждан, число которых было очень велико, Сервий объединил в одной центурии. В народном собрании по центуриям принимали участие все граждане, но наибольший вес имели первые 16 центурий всадников и 80 центурий тяжеловооруженных воинов первого разряда. Так как всего центурий было 192, при единодушии в первом разряде результат голосования центурий других разрядов был уже не важен.

Таким образом, освобождение от военного и налогового бремени сводило к минимуму и политические права при формальном их соблюдении. Этот государственный строй долгое время сохранялся у римлян, хотя в эпоху Республики центуриатные собрания стали постепенно вытесняться народными собраниями по территориальным трибам, где голосование было более равным.

Согласно традиции, Сервий Туллий собрал всех вооруженных граждан за стенами города на Марсовом поле (входить в город с оружием запрещалось) и совершил религиозный ритуал люстрации, т.е. сакрального очищения войска. Жрецы трижды обошли вокруг войска, ведя за собой быка, барана и козла, которые были затем принесены в жертву богу войны Марсу (Dionys. IV. 22. 1–2). Этим актом завершался ценз римского народа, обычно проводившийся один раз в каждые пять лет. Сервий Туллий ввел строгие законы, регламентировавшие систему оценки имущества и налогообложения. Достаточно сказать, что уклонение от ценза или сокрытие доходов по закону каралось конфискацией имущества, наказанием палками и продажей в рабство (Dionys. IV. 15. 6).

В то же время вся античная традиция согласна в том, что царь Сервий Туллий первым ограничил и свою собственную, царскую власть⁷⁸. Если ранее царь оставлял за собой право разбирать все судебные дела, то теперь, согласно законам Сервия, он разбирал лишь наиболее важные, государственные преступления, все же частные иски были переданы учрежденной им коллегии судей. Деятельность этих судей также регламентировалась составленными царем законами⁷⁹. Разделение системы исков на публичные и частные, а также самой системы судопроизводства на царский суд о государственных преступлениях и профессиональную, назначаемую царем судебную коллегия по частным делам следует рассматривать как одну из важнейших стадий разделения всего права на публичное и частное. Первые шаги такого разделения проявляются уже в сакральных нормах Нумы Помпилия, уже при нем или его преемнике появились профессиональные судебные следователи, но только при Сервии Туллии это разделение было впервые институализировано благодаря разделению соответствующих судебных юрисдикций.

⁷⁸ Dionys. IV. 25. 1: «Туллий проявил себя как друг народа не только посредством тех мер, которыми он, по-видимому, уменьшил авторитет сената и власть царичев, но также тем, что ограничил и царскую власть, части которой он лишил сам себя».

⁷⁹ Dionys. IV. 25. 2: «Ведь прежде цари сами разбирали все приносимые им судебные дела и по всем тяжбам выносили решения по собственному усмотрению, он же, разделив публичные и частные иски, оставил в своей юрисдикции все правонарушения, относящиеся к публичным, но для частных дел назначил быть судьями частных лиц, установив для них в качестве норм и стандартов законы, которые он сам для этого написал». Ср. Dionys. IV. 36. 2.

Согласно традиции, Сервий своими реформами завоевал любовь и среди сельского плебса. Любопытный отрывок об этой стороне его деятельности мы находим у Макробия⁸⁰, согласно которому Сервий Туллий ввел закон о выходных днях нундинах, когда сельчане по праву могли отдохнуть от работ и приобщиться к государственным делам. Насколько верна эта традиция, судить трудно, однако римский плебс твердо связывал нундины именно с Сервием Туллием.

Царь-реформатор прославился также и в области регулирования международных отношений. Как пишет Дионисий, он, создав римский сенат, пригласил на него также представителей соседних, преимущественно латинских городов и предложил им создать нечто вроде конфедерации (IV. 36–37). Предложение заключалось в создании общего органа управления – Совета, состоящего подобно римскому сенату из выборных представителей отдельных городов, председательствовать в котором он назначил Риму как сильнейшему из латинских городов. Он предложил также и общую казну – храм Дианы на Авентине, где ежегодно представители союзных городов должны были бы совершать жертвоприношения во время общего празднества в честь Дианы⁸¹, которые следует рассматривать как взносы союзников в общую казну. Он составил и законы, регулировавшие отношения между союзниками, а также характер, размер жертвоприношений – союзных взносов – и ритуал самого празднества. Греческий историк отмечает, что все эти законы Сервий Туллий начертал на медной стелле, хранившейся в храме Дианы вплоть до времени самого Дионисия, т.е. до конца I в. до н.э.⁸² Причём галикарнасец подчеркивает, что стела эта была написана греческими буквами, что сегодня вполне подтверждается не только письменными источниками, но и данными археологии и эпиграфики⁸³. В означенный союз вошли 12 латинских городов, которые и впредь за редким исключением были постоянными союзниками Рима.

Таким образом, реформы Сервия Туллия охватывали практически все части законодательства, причем в международном, административном, налоговом и обязательственном праве реформирование было достаточно существенным. Не менее значимыми были изменения в области судопроизводства, особенно важны разделение исков на публичные и частные, а также создание новой коллегии судей по частным делам, видимо, не совпадающей с сенаторской судебной кол-

⁸⁰ *Macr. Sat. I. 16. 33–34*: «Сервий Туллий ввел нундины, чтобы для обустройства городских и сельских дел в город приходили и жители полей... День нундин начали праздновать сразу после изгнания царей, так как, когда память о Сервии Туллии была восстановлена, этими нундинами большая часть плебса приносила ему искупительные жертвы... Римляне учредили нундины для того, чтобы в течение восьми дней сельские жители трудились на полях, на девятый же день, прервав сельские работы, приходили в Рим для торговли и принятия законов».

⁸¹ *Dionys. IV. 26. 3*: «(Сервий) посоветовал им построить за их общий счет храм-убежище, в который города будут приходить и совершать жертвоприношения как частным образом, так и общественным, а также будут отмечать (общий) праздник в то время, которое они сами назначат».

⁸² *Dionys. IV. 26. 4*: «И позднее за счет выделенных всеми городами средств он построил храм Дианы, который находится на Авентине, самом высоком из холмов в Риме. И он составил законы о взаимных правах городов и предписал, каким образом должно совершаться все касающееся праздника и общего собрания. 5. И чтобы с течением времени эти законы не уничтожились, он соорудил бронзовую стелу, на которой записал как постановления совета, так и названия городов, которые принимали в нем участие. Эта стела сохраняется вплоть до моего времени в храме Дианы, начертанная буквами, которые в древности использовались в Греции».

⁸³ *Модестов. Ук. соч. С. 7–26; Tondo. Op. cit. P. 38–43.*

легией центумвиров. Какова была структура законодательства Сервия, судить трудно, можно высказать лишь некоторые предположения. Так, деление исков на публичные и частные указывает на возможность существования деления всего зарождающегося права на публичное и частное. Далее, указание Дионисия на то, что этот царь восстановил многие из законов Ромула и Нумы Помпилия указывает уже на наличие определенной традиции преемственности сборников царских норм. Соответственно можно предположить, что законы Сервия Туллия воспроизводили общую структуру законов Нумы. Очевидно также, что большинство норм сохраняло и сакральный характер, хотя законы Сервия Туллия уже гораздо более специфичны и одновременно универсальны, т.е., с одной стороны, в большей мере учитывают не родовой, а социальный и имущественный статус римлянина вообще, а с другой, направлены на подчинение гентильного права нарождающемуся гражданскому. Здесь гораздо меньше типичных для законов Нумы религиозных табу, больший акцент делается на имущественную сторону частных и общественных жертвоприношений. Что касается достоверности традиции о реформах Сервия Туллия, то обычно подвергают сомнению их реализацию в середине VI в. до н.э. Это верно лишь отчасти, ведь уже следующий римский царь, Тарквиний Гордый, свел на нет большую часть Сервиевых реформ.

ТАРКВИНИЙ ГОРДЫЙ И КОНЕЦ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА

Установление контроля царя за патрициями, за магистрами пагов означало, что римляне стали воспринимать свою территорию как единое целое. Это способствовало созданию понятия общеримской собственности и права. В период правления Сервия Туллия *ius civile* начало постепенно вытеснять *ius gentilicium*. Ведь описанные выше законы Сервия Туллия в области ценза, налогообложения, управления и судопроизводства касались не отношений внутри патрицианских родов или между родами, но регулировали имущественные и социальные отношения граждан по имущественному или территориальному отличиям. Таким образом, речь идет о развитии права гражданского, а не родового общества. Однако реально это привело к усилению власти царя, что красноречиво подтверждает традиция в описании правления Тарквиния Гордого. Дионисий сообщает, что тот разогнал значительную часть сената, поставив на место прежних сенаторов своих сородичей (IV. 42), отменил почти все законы Сервия Туллия (IV. 43. 1) и ликвидировал систему ценза и налогообложения, заставив всех римлян платить одинаковые подати независимо от их состояния (IV. 43. 2).

В то же время особенно важно сообщение Дионисия о том, что Тарквиний запретил проведение собраний среди жителей сел (*κοιτητῶν*), членов курий (*φρατρίαστῶν*) или соседей (*γελτόνων*), проводившихся для совершения совместных священнодействий и жертвоприношений (*ἱερά καὶ θυσίας*— IV. 43. 2). Это место иногда понимают как стремление Тарквиния уничтожить самостоятельность курий⁸⁴. Однако здесь следует отметить и еще один фактор: ведь в середине VI в. до н.э. без совершения жертвоприношений не могла осуществиться ни одна крупная юридическая сделка. Без них не могли заключаться арендные договоры, не мог проводиться сбор налогов во время Паганалий. Отсюда можно предположить, что последний римский царь стремился сосредоточить контроль за всякой экономической деятельностью в самом Риме и тем самым укрепить

⁸⁴ *Richard. La population romaine...* P. 63.

свою экономическую власть, превратив сенаторов в слуг, не имевших права без ведома царя совершать священнодействия и связанные с ними юридические акты. Однако известно, что именно при нем многие латинские священнодействия были заменены этрусскими, требующими в том числе и кровавых человеческих жертвоприношений. Возможно, именно это ограничение одних устоявшихся обычаев и установление других и было одной из главных причин изгнания Тарквиния Гордого⁸⁵. Лишь в области международных договоров Тарквиний Гордый продолжал линию Сервия Туллия на создание общелатинского союза под гегемонией Рима: после длительных войн договор с латинами был возобновлен и укреплен военной реформой, согласно которой были составлены смешанные манипулы из римлян и латинов⁸⁶. Он также издал закон об установлении Латинских празднеств на горе Альбе и культа Юпитера Лациарского, требующего особого жертвоприношения – взноса в общую казну от всех латинских союзников (Dionys. IV. 45; 49. 2–3).

Как бы то ни было, режим Тарквиния Гордого был низвергнут, а вместе с ним ушла в прошлое и царская форма правления. Попытаемся охарактеризовать последний этап становления римского права в царский период в VI в. до н.э.

1. С одной стороны, явственного разделения *ius* и *fas* еще не произошло, однако характер как самой власти, так и норм права значительно изменились. Большая часть сакральных законов Сервия Туллия решала чисто государственные задачи: а) сенат превратился из представительного органа союза племен и родов в совещательный орган при царе, а наряду с общими собраниями родов (куриатными комициями) были учреждены центуриатные комиции, где главным было деление римлян по имущественным разрядам; б) имущественная дифференциация общества вынудила Сервия Туллия с помощью закона сдерживать социальную дихотомию; в) система ценза Сервия Туллия говорит не только о наличии нескольких имущественных разрядов, но и о различии их политических интересов, о преобладании территориального деления над племенным, а главное – о введении законов о государственном налогообложении.

2. Право молодого государства получает письменное оформление, причем это письменная фиксация не только законов самого Сервия Туллия, но и его предшественников – Ромула, Нумы Помпилия и других царей. Собранные воедино и систематизированные в конце VI в. до н.э. в так называемом *ius Paripatium* (D. 1. 2. 2) – собрания царский установлений – эти законы сохранялись и использовались вплоть до эпохи Империи.

3. Право эпохи Сервия Туллия уже имело зачатки деления на частное и публичное.

4. Впервые наряду с судебной властью царя, сената и народного собрания появляется профессиональная коллегия судей.

5. Получает дальнейшее развитие правовое регулирование международных отношений, а при Тарквинии Гордом появляется и конфедеративное межгосударственное образование со своими органами управления, суда, казной и законами.

⁸⁵ *Mastrocinque A. Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento, 1989. P. 37 sgg.*

⁸⁶ *Liv. I. 52. 5: «Договор был возобновлен и молодым латинам было объявлено, чтобы они, как следует из этого договора, в назначенный день явились в рошу Ферентины... 6. И когда все они, из всех племен, собрались... царь составил смешанные манипулы из римлян и латинов» (пер. В.М. Смирин).*

Конечно, сакральная форма в законах Сервия Туллия продолжает превалировать, однако здесь эта форма имеет чисто правовое содержание – регулирование имущественных отношений в дифференцированном обществе и обеспечение господства государственной власти посредством принудительной силы закона.

SACRAL LAW AND THE EVOLUTION OF THE SO-CALLED «LEGES REGIAE» IN THE 8th–6th CENTURIES BC

L. L. Kofanov

The author pays special attention to the fact that *leges regiae* were thought of by the Romans as norms considering sacrifices and rites. Sacral form was given almost to all of the royal laws. The definition of the sacral law thus may be given in the following terms: «a complex of legal norms regulating relations between gods and humans, codified in the archaic period by the collegium of pontifices» and «connected with the duty to observe rituals, sacrifices and cults». Violation of sacral law was regarded by the Romans as violation of the divine will, as *nefas* calling for redemption. Sacral law plays a special part in a society where «religion is one of the functions of the state, where priesthood is a state institution and the state authorizes religious prescriptions».

Modern theories of state and law agree that in early states legal norms are of much more complicated character than in primitive society. Therefore, a detailed analysis of the norms of the first kings is necessary.

In his survey of Romulus' regulations the author points out some important elements of archaic law already present therein, e.g., separation of state norms institutionalizing power and its judicial functions from the norms regulating family, matrimonial and intertribal relations. In general, though, these norms can be viewed as pre-legal norms of late tribal society. The power was essentially of «chiefdom» type: the chief – council of elders – general assembly of tribes. The chief of the tribes combined military, administrative and sacral functions. State priesthood was practically absent. The system of taxation and fines had not yet been developed and separated from the system of sacrifices. Finally, legal norms were not yet fixed in the written form.

The author then goes on to consider the norms established by the second Roman king Numa Pompilius (715–672 BC). Obviously enough, many of these norms were typically religious taboos or mononorms of late tribal society. Indeed, a normal jurist would consider the prohibitions to make a libation of wine obtained from an unpruned vine, to consume fish not covered with scales etc. as anything but legal norms. Nevertheless, Numa's sacral code is marked with some innovations quite appropriate in archaic law of early class state. These include legal regulations relating to special bodies of state priesthood (augures, pontifices, fetiales) performing judicial, investigatory and norm-giving functions. Numa's legislation is the first to mention investigating bodies, *quaestores parricidii*. Numa was also the first to introduce strict sanctions aimed to protect private land possession and contracts. Another element characteristic of law proper is the distinction between premeditated murder and manslaughter, as well as differentiation of punishments according to the heaviness of fault. Lastly, Numa's sacral norms were for the first time fixed on wooden boards, thus constituting the first collection of written laws. One can also speak of some elements of systematization in Numa's norms (*Dionys. II. 63–74*).

All this leads to the conclusion that Numa's legislation was not a simple collection of primitive mononorms. On the other hand, it cannot be called law *sensu stricto*, for it does not meet all the criteria applicable to law. It would be correct to regard this collection as a sum of norms reflecting active development of law in early class society.

An analysis of the reforms carried out in the 6th c. BC by the sixth king Servius Tullius makes it possible to draw some conclusions:

1. On the one hand, *ius* and *fas* had not yet been demarcated, though the character of the power itself and of legal norms changed considerably. The greatest part of Servius Tullius' sacral laws was meant to improve the state system: (a) the Senate, formerly a representative body of the tribal union, became a deliberative body under the king; *comitia centuriata*, involving the principle of property qualification, were added to *comitia curiata*; (b) the differentiation of the society compelled Tullius to hold down social stratification with legal instruments; (c) Tullius' system of cense implies not only several classes, but also difference of their political interests, prevalence of the territorial division over the tribal one and, first and foremost, new laws on state taxation.

2. Law system of the young state was codified, this codification including laws of Servius Tullius as well as of his predecessors Romulus, Numa Pompilius and other kings. Brought together and systematized in the late 6th c. BC in the so-called *ius Papirianum* (D. 1. 2. 2. 2), a collection of royal regulations, these laws were kept and resorted to up to the Imperial period.

3. Servius Tullius' law showed some evidence of rudimentary division into public and private.

4. Professional guild of judges comes forth side by side with the judicial power of the king, Senate and people's assembly.

5. Further development is seen in legal regulations of international relations; under Tarquinius an international confederacy develops, having its own administration, court, treasury and laws.

Sacral form, to be sure, is still predominant in Servius Tullius' laws, but this form has now merely legal contents, regulating property relations in a stratified society and ensuring the power of state by the force of law.